

Цзюнь Тяньяо, сгибаясь под тяжестью обрушившегося на его плечи веса, до крови закусил губу маленькими острыми зубами. Он передвигался с трудом, ступая нетвердо, а нежная кожа то и дело царапалась о хлесткие ветки, преграждавшие путь. Острая боль лишь сильнее раздражала его:

— Ну и бесполезный же ты! С такой-то внешностью и таким грозным видом — на деле оказался просто раздутым пустышкой. Мало того, что толку от тебя никакого, так в конце концов мне же приходится тащить тебя на себе. Никчемный, бесполезный мусор...

Выплескивая это ругательство, Цзюнь Тяньяо почувствовал, как на душе стало чуточку легче от того, что он выместил злобу на своей ноше. Однако невнятное бормотание, донесшееся до его ушей, заставило его сердце странно дрогнуть:

— Нет, я не... не мусор... Отец, я не...

Сначала неразборчивый шепот повторялся снова и снова, постепенно становясь все отчетливее. Цзюнь Тяньяо в изумлении поднял голову и увидел лицо, прижатое к его плечу: оно было влажным от капель, что придавало ему какой-то горестный, жалкий вид.

Его маленькая ручка нерешительно потянулась вверх. Он стер влагу, совершенно не обратив внимания на жар, исходящий от кожи Цзимо Ци. С любопытством и легкой растерянностью он поднес палец к глазам, разглядывая капельки воды.

Он поднес палец к губам и слегка высунул кончик языка — ярко-алый, маленький — и слизнул влагу.

— Соленые...

Оказывается, это были настоящие слезы. Второй молодой господин Цзюнь, который всегда придерживался правила: проливать кровь, но не слезы, смотрел на юношу, чьи плечи казались натянутыми, но при этом такими хрупкими, что, казалось, могли сломаться от малейшего прикосновения. Он усмехнулся:

— Плакса!

Однако больше он не произносил слов вроде бестолочь или никчемный мусор. Юноша, который в полубреду со слезами на глазах умолял о чем-то своего отца, пробудил в Цзюнь Тяньяо крошечное, жалкое чувство жалости и сострадания, рожденное их схожими судьбами.

— Вспоминая прошлое... Мой батя — ты ведь не знаешь, что значит батя? Это значит отец. Так вот, тот старый хрыч, чтобы его наследник мог самостоятельно справляться с любыми трудностями, не гнушался ничем, самыми жестокими методами. Мало того, что с самого детства палка не выходила из его рук, так он еще отправил меня в тренировочный лагерь в

Африке, где уровень смертности достигал девяноста восьми процентов. А потом заставил меня стать наемником. Знаешь, сколько мне тогда было? Всего тринадцать лет. Тебе повезло гораздо больше, у тебя есть время стоять у реки и предаваться тоске, у тебя есть изысканная одежда и вкусная еда...

Вспоминая прошлое, мы во время тренировок ради развития выносливости к голоду тринадцать дней подряд не получали ни одного сытного обеда. Сто человек, а порций еды каждый раз только на половину отряда. Знаешь, как мы решали эту проблему? Убивали товарищей. Убивали снова и снова...

На последние слова у Цзюнь Тяньяо неожиданно не хватило духу:

— Когда я выбрался оттуда, даже собачьи экскременты казались мне лакомством. Цзюнь Тяньяо осмотрел небольшую лесную поляну, возникшую перед ним, и небрежно бросил Цзимо Ци на землю. Оглядевшись по сторонам в поисках сухого хвороста для костра, он подобрал два камня и принялся за самое утомительное занятие — добывание огня трением. Он даже не взглянул на лежащего рядом человека, но его детский голосок зазвучал ровно и неторопливо.

Мерцающие искры пламени озаряли лицо Цзюнь Тяньяо, придавая его невинным, миловидным чертам пугающее выражение, словно на белой коже проступили капли кровавых слёз.

— М-м...

Раздался мучительный стон. Цзюнь Тяньяо опустил взгляд на Цзимо Ци: на лбу того выступил холодный пот, лицо горело от жара, а чёрная парчовая мантия была пропитана кровью. Он слегка изогнул губы в усмешке:

— Послушай, я вовсе не хочу снова проходить через все те страдания. На самом деле, найти такого дурака, как ты, второй раз было бы непросто. К тому же, я, Второй молодой господин, очень ленив. Раз уж нашёл кого-то, кто ещё не успел отдать концы, мне лень искать второго...

Его крошечные пальчики скользили по резким, мужественным чертам лица Цзимо Ци. На фоне пылающих от лихорадки щёк его пальцы, белые и нежные, словно нефрит, казались наполненными странным теплом.

Голос Цзюнь Тяньяо, звонкий и по-детски чистый, скрывал в себе глубокую, бездонную злобу:

— Брат Ци, не подведи меня. Не заставляй меня трудиться впустую, иначе я даже не знаю, какой способ смерти подобрать для тебя...

Как только слова слетели с его губ, худощавое тело Цзимо Ци содрогнулось в ознобе, словно он отозвался трепетом на угрозу Цзюнь Тяньяо.

Холодно фыркнув, Цзюнь Тяньяо взял ветку и пошевелил костёр. Пламя с треском вспыхнуло сильнее, а рука мальчика уже потянулась к вороту одежды Цзимо Ци.

Изящные и роскошные завязки-пуговицы казались ему невероятно раздражающими. Его ловкие пальцы долго не могли с ними справиться.

— Проклятье, зачем делать такие сложные узлы? Я же не собираюсь тебя насиловать...

Ворча себе под нос, Цзюнь Тяньяо, чьё терпение и так было на исходе, нашёл самое слабое место на ткани и резко дёрнул обеими руками. Раздался резкий звук разрываемой материи — «тр-р-ах!», и грудь Цзимо Ци полностью открылась лунному свету.

Вероятно, из-за внезапного притока прохладного воздуха два розовых бутона на груди Цзимо Ци невольно дрогнули.

Тонкая, ещё не развившаяся до конца грудь юноши, гладкая, словно шёлк, кожа, сексуальные ключицы, розовые, подрагивающие соски и алеющий от жара кожный покров — взгляд Цзюнь Тяньяо на мгновение вспыхнул, колеблясь между тьмой и глубокой задумчивостью.

Маленькая ладонь не удержалась и снова коснулась розовой кожи. На этот раз Цзюнь Тяньяо не спешил убирать руку. Он был ещё мал, поэтому мог довольствоваться лишь прикосновениями. Подумав об этом, он сложил два пальца вместе, зажал ими кожу и слегка потянул.

М-м, а упругость неплохая...

<http://bllate.org/book/21941/2279442>